

ИЗ ЗАТЕРЯННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ЮНОСТИ ПУШКИНА

В 1851 г., приступив к работе над биографией Пушкина и ощущая большой недостаток в материалах о лицейской жизни поэта, П. В. Анненков обратился за помощью к его лицейским товарищам, набросав для них специальный вопросник. Единственным значительным откликом на этот призыв и явились воспоминания Сергея Дмитриевича Комовского (1798—1886). Прежде чем сообщить свои воспоминания Анненкову, он дал их на просмотр трем другим лицеистам: М. А. Корфу (ограничившемуся одним замечанием), М. Л. Яковлеву и А. А. Корнилову. Последний вернул их автору с таким отзывом: „С моей стороны я не сделал никаких замечаний: написанное тобою я нахожу верным“. Однако, „лицейский староста“ и близкий друг Пушкина Яковлев испещрил воспоминания Комовского множеством резких замечаний, что было и не удивительно.

Кювский никогда не принадлежал, да и не мог принадлежать к числу друзей Пушкина. В школьные годы он стяжал среди товарищей нелицеприятную репутацию „фискала“ и проныры. За ним прочно утвердилось прозвище „Лиса“. Ханжеские наклонности, страсть к издевке и привязчивость отталкивали от него товарищей. Тем не менее, по окончании лицея он сохранил приятельские отношения с товарищами, посещал лицейские годовщины и был вхож в дружеский кружок, собиравшийся у Дельвига. Впрочем, эти отношения могли питаться исключительно школьными воспоминаниями, ибо неприкрытый карьеризм Комовского никак не располагал в его пользу.

Всеми этими свойствами автора, а также личными его отношениями с Пушкиным объясняется общий недоброжелательный, а местами и попросту клеветнический характер его воспоминаний о великом поэте. В таком виде и со всеми замечаниями других лицестов воспоминания Комовского напечатаны были впервые в 1898 году Я. К. Гротом в его книге „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“ (стр. 218—221), откуда перепечатаны в книге Н. А. Гастфрейнда „Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому лицее“ (т. I СПб., 1902, стр. 543—545).

Но нам удалось установить, что Комовский не считал на этом этапе свою работу оконченной. Используя замечания товарищей, он радикально переработал свои воспоминания, превратив их, таким образом, по существу говоря, в коллективный рассказ троих лицестов. В этой второй редакции воспоминания Комовского публикуются нами впервые (по рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме). Вопреки всем отмеченным выше недостаткам, воспоминавшая эти, служащие естественным дополнением к известным „апискам о Пушкине“ И. И. Пушкина, представляют большой интерес. Множество заключенных в них любопытных свидетельств современника существенно дорисовывают лицейский портрет Пушкина.

О. Д. Комовский

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ ПУШКИНА

А. С. Пушкин при поступлении в Императорский лицей особенно отличался необыкновенною своею памятью и отличным знанием французского языка и словесности. Ему стоило только прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог повторить оное наизусть без малейшей ошибки.¹ Будучи еще 12-ти лет от роду, он не только знал на память все лучшие творения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и русской были всегда любимыми занятиями Пушкина, в кои он наиболее успевал. Кроме того, он охотно учился и наукам историческим, но не любил политических и ненавидел математические, почему всегда находился в числе последних воспитанников второго разряда и при выпуске из лицея получил чин 10-го класса.² Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках в очаровательных садах Царского Села, но нередко в классах и даже во время молитвы Пушкину приходили в голову разные пиитические вымыслы и тогда лицо его то омрачалось, то прояснялось, смотря по роду дум, кои занимали его в сии минуты вдохновения. Вообще, он жил более в мире фантазии. Набрасывая же мысли свои на бумагу, везде где мог, а всего чаще во время математических уроков, от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насуля брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное.

Пушкин вообще был не очень словоохотлив и на вопросы товарищей своих отвечал обыкновенно лаконически. Любимейшие разговоры его были о литературе и об авторах, особенно с теми из товарищей, кои тоже писали стихи, как, напр., б. Дельвиг, Иличевский, Кюхельберг (но над неудачною страстью последнего к поэзии он любил часто подшучивать).

Из лицейских профессоров и гувернеров никто в особенности Пушкина не любил и ничем не отличал от других воспитанников; но все боялись его сатир, эпиграмм и острых слов, с удовольствием слушая их на счет других. Так, наприм., профессор математики К(арцов) от души смеялся его пиитическим шуткам над лицейским доктором П(ешелем), который в свою очередь охотно слушал его же насмешки над К(арцовым). Один только профессор российской и латинской словесности К(ошанск)ий, заметя необыкновенную и преимущественную склонность Пушкина к поэзии, сначала всячески старался отратить и удержать его от писания стихов, частью, быть может, потому что сам писал и печатал стихи, в которых боялся соперничества, провидя в воспитаннике своем возникающего вновь гения. Но когда будущий успех сего нового таланта сделался слишком очевидным, тогда тот же самый профессор употребил все средства, чтобы, ознакомив его как можно лучше с теориею языка отечественного и с классическою словесностию древних, разделить со временем литературную славу своего ученика. Впрочем, Пушкин

¹ Слова бывшего гувернера Сергея Гавриловича Чирикова. С. К.

² Воспитанники 1-го курса разделены были только на два разряда и при выпуске своем из лицея награждены были чинами: во-1-х, офицера гвардии (или IX классом) и, во-2-х, офицером армии (или X классом). С. К.

мало успел в изучении древних классиков и талант его к поэзии наиболее начал развиваться в то время, когда профессор российской словесности К(ошанский) по тяжелой болезни своей целые три года устранен был от преподавания в лицее. Вообще Пушкин, следуя единственно вдохновениям своего гения, неохотно подчинялся классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках.

Вне лицея он знаком был только с семейством знаменитого историографа нашего Карамзина,¹ к коему во всю жизнь питал особенное уважение, и с некоторыми гусарами, жившими в то время в Царском Селе (как-то: Каверин, Молоствов, Соломирский, Сабуров и друг.). Вместе с сими последними Пушкин любил подчас тайно от своего начальства приносить некоторые жертвы Бахусу и Венере, вполчас за хорошенькими актрисами графа В. Толстого и за субрегками приезжавших туда на лето семейств; причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской его крови. Одно прикосновение его к руке танцующей производило в нем такое электрическое действие, что невольно обращало на него всеобщее внимание во время танцев.

Но первую платоническую, истинно пиитическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его (фрейлина К. П. Б(акунина)). Она часто навещала брата и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи. Пушкин с пламенным чувством молодого поэта живыми красками изобразил ее волшебную красоту в стихотворении своем под названием „К живописцу“. Стихи сии очень удачно положены были на ноты лицейским товарищем его Яковлевым и постоянно петы не только в лицее, но и долго по выходе из оногo. Вообще, воспоминания Пушкина о счастливых днях детства были причиною, что он во всех своих стихотворениях и до конца жизни всегда с особым удовольствием отзывался о лицее, о Царском Селе и о товарищах своих по месту воспитания. Это тем замечательнее, что учебные подвиги его, как выше объяснено, не очень были блистательны.

По выходе из лицея Пушкин, сохраняя постоянную дружбу к товарищу своему б. Дельвигу, коего хладнокровный и рассудительный характер ему нравился, несмотря на явное противоречие с его собственным, посещал преимущественно литературные общества Карамзина, Жуковского, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п.

Выдержки из статьи В. А. Эртеля особенно интересны уже по одному тому, что они представляют собой первый рассказ о Пушкине, основанный на личных воспоминаниях и напечатанный при жизни поэта. Автор статьи Василий Андреевич Эртель (1793—1847, учитель Александра II, библиотекарь Публичной библиотеки и переводчик на немецкий язык „Истории государства Российского“ Карамзина, в 1832 году издал „Русский альманах на 1832 и 1833 год“, в котором и напечатал статью под заглавием „Выписка из бумаг

¹ По совету его, Пушкин написал куплеты, петы в Павловке при праздновании, сколько помнится, взятии Парижа в 1814 г. За поднесение сего стихотворения он удостоился получить от блаженные памяти государыни императрицы Марии Федоровны золотые с цепочкою часы при всемиловитившем отзыве.

По существующему во всех учебных заведениях обычаю давать прозвища товарищи Пушкина, заметив особенную стесанность его ко всему французскому, что, впрочем, было в духе тогдашнего времени, называли его в шутку французом, за что он иногда сердился не на шутку.

дяди Александра“, заключающую в себе, между прочим, воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Баратынском.¹

Свои воспоминания Эртель облек в полубеллетристическую форму. Тем не менее, достоверность сообщаемых им фактов не вызывает никаких сомнений. Живой рассказ его о встрече с Пушкиным крайне любопытен, особенно благодаря множеству подробностей, относящихся до того периода жизни поэта, который всего менее освещен в мемуарной литературе.

В. А. Эртель

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ, ДЕЛЬВИГЕ И БАРАТЫНСКОМ

Между молодыми людьми господствовал весьма приятный непринужденный тон и истинное товарищество, которое ныне едва знают по названию. В наших почти ежедневных сборищах много шутили и смеялись (...). В это время сборища наши получили новую прелесть от принятого в них участия милым двоюродным братом моим Е. Баратынским, приехавшим из Финляндии посетить нас. Как ближайший родственник покойной моей матери, он еще ребенком бывал почти ежедневно в нашем доме, почему весьма естественно, что его приняли с живейшей радостью, и он без околичностей остановился у меня. Воспитанный в пажеском корпусе, он впоследствии попал в армейский полк, расположенный в Финляндии. Достойный полковник Л. старался усладить его разлуку с родными, взял его к себе в дом и служил ему вторым отцом. Я не видал Евгения с нашего детства, и признаюсь, что его наружность чрезвычайно меня удивила. Его бледное, задумчивое лицо, оттененное черными волосами, как бы сквозь туман горящий пламенем взор придавали ему нечто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмешливости приятно украшала уста его. Он имел отличный дар к поэзии, но, несмотря на наружность, муза его была вечно-игривое дитя, которое, убравшись розами и лилеями, шутя связывало друзей цветочными цепями и резвилось в кругу радостей. Неизъяснимая прелесть, которою проникнуто было все существо его, отражалась и в его произведениях. Наша детская дружба возобновилась и стала крепче, чем когда-либо. Я ввел его в круг моих приятелей, в котором он был принят с общою любовью.

В одно воскресенье Евгений рано утром вышел из дома. Я уже намерен был один пойти на гулянье, как вошел с другим молодым человеком, повидимому, одинаковых с ним лет, довольно плотным, в коричневом сюртуке. Большие, густыми темными бровями осененные глаза блистали из-за черепаховых очков; на полном, но бледном лице его была написана мрачная важность и необыкновенное в его летах равнодушие. Как удивился я, когда Евгений назвал пришедшего бароном А. А. Дельвигом. Имя его было мне известно и драгоценно по его стихотворениям. Зная также, что он был задушевным приятелем двоюродного брата моего, я с ним никогда до тех пор не встречался. Я не знал, как согласить глубокое чувство, игривый характер и истинно-русскую ориги-

¹ Авторство В. А. Эртеля, скрывшего свое имя, установлено В. П. Гаевским, который в своей статье о Дельвиге впервые привел цитаты из его воспоминаний („Современник“, т. XXXIX, отд. III, стр. 29—30). Отрывки из воспоминаний Эртеля использовались и позднее в работе П. И. Бартенева „А. С. Пушкин. Материалы для биографии“ (1854) и друг.

нальность, которые отражаются в его стихотворениях, с этою холодною наружностью и немецким именем. Ах! когда я короче познакомился с ним, какое неистощимое сокровище благородных чувствований, добродушия, чистой любви к людям и неизменной веселости открыл я в сем превосходном человеке.

Едва мы пробыли вместе с четверть часа, как всякая принужденность исчезла из нашей беседы, и мне казалось, что мы уже давным-давно знакомы. Разговор обратился к новейшим произведениям русской литературы и, наконец, коснулся театра.

— Непонятно, — сказал Дельвиг, — что мы до сего времени почти ничего не имеем собственного в драматической поэзии, хотя русская история так богата происшествиями, которые можно было бы обработать для трагедии, и притом вокруг нас столько предметов для комедии.

— Вы забываете Озерова, — сказала я.

— Правда, что Озеров имеет большое достоинство, — отвечал Дельвиг, — но хотя он обработал отечественное происшествие однако ж в поэзии его нет народности. Трагедия его принадлежит к французской школе, и тяжелые александрийские стихи ее вовсе не свойственны языку нашему.

Евгений назвал „Недоросля“ Фон-Визина, и мы рассыпались в похвалах сей истинно-русской комедии. Когда я спросил барона, почему он сам не займется этим родом, он откровенно признался, что непреодолима лень не позволяет ему ни рыться в исторических материалах для избрания предмета, ни принудить себя старательно обдумать план. Он прибавил, что уже несколько раз говорил о том с приятелем своим Александром Сергеевичем Пушкиным, но что сей последний занят сочинением эпической поэмы и вообще слишком еще принадлежит свету.

— Поверьте мне, — продолжал Дельвиг, — настанет время, когда он освободится от сих суетных уз, когда обратит обширный дар свой к высшей поэзии, и тогда создаст новую эпоху, а русский театр получит совершенно новую форму.

Я уже давно желал узнать сего молодого человека, который так много заставлял говорить о себе. Дельвиг обещал на-днях зайти за мною и отвести к Пушкину, который в это время по болезни не мог выходить из комнаты (...).

При моей короткой связи с бароном Дельвигом я весьма естественно должен был познакомиться с прежними его товарищами по учению, воспитанниками Царскосельского лицея. Между ними были отличные молодые люди, коих способности при благотворном влиянии сего заведения развились в высокой степени. Особенно полюбил я одного из них, который по живости, остроумию, всегдашней веселости и вообще по всем качествам, требуемым в обществе, соединял в себе все хорошие свойства отлично образованного француза. Это был князь Дмитрий Ерстов. Не знаю, где он теперь. Но если он еще жив и если время несколько охладило горячий темперамент его, то наверное он займет почетное место в отечественной литературе.

Александр Сергеевич также был товарищем по учению и другом барона. В одно утро сей последний зашел ко мне, чтобы по условию идти вместе к Пушкину. Евгений, который еще прежде был знаком с Пушкиным, пошел с нами (...). Было довольно далеко до квартиры Пушкина, ибо

он жил тогда на Фонтанке, близ Калинкина моста (...). Мы взойшли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату Пушкина.

У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолюкою на голове. Возле постели на столе лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. При входе нашем Пушкин продолжал писать несколько минут, потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришел, подал обе руки моим товарищам со словами: „Здравствуйте, братцы!“ Вслед за сим он сказал мне с ласковою улыбкою: „Я давно желал знакомства с вами; ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине, и всегда знаете, где достать лучшие устрицы“. Я не знал, радоваться ли мне этому приветствию, или сердиться на него, однакож отвечал с усмешкою: „Разве вы думаете, что способность ощущать физические наслаждения, определять истинное их достоинство и гармонически соединять их проистекает из того же источника, как и нравственное чувство изящного, которое вероятно по сей причине на всех языках означает одним и тем же словом: *вкус*? По крайней мере в отношении к себе я нахожу такое мнение совершенно правильным; ибо иначе не мог бы с таким удовольствием читать ваши прелестные произведения“. Так как Пушкин увидел, что я могу судить не об одних вине и устрицах, то разговор обратился скоро к другим предметам. Мы говорили о древней и новой литературе и остановились на новейших произведениях. Суждения Пушкина были вообще кратки, но метки; и даже когда они казались несправедливыми, способ изложения их был так остроумен и блистателен, что трудно было доказать их неправильность. В разговоре его заметна была большая склонность к насмешке, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всех чертах лица его, и думаю, что он способен возвыситься до той истинно поэтической иронии, которая подымается над ограниченной жизнью смертных и которой мы столько удивляемся в Шекспире.

Хозяин наш оканчивал тогда романтическую свою поэму. Я знал уже из нее некоторые отрывки, которые совершенно пленили меня и исполнили нетерпением узнать целое. Я высказал это желание; товарищи мои присоединились ко мне, и Пушкин принужден был уступить нашим сильным просьбам и прочесть свое сочинение. Оно было истинно превосходно. И теперь еще с восхищением вспоминаю я о высоком наслаждении, которое оно мне доставило. Какая оригинальность в изобретении! Какое поэтическое богатство! Какие блистательные картины! Какая гибкость и сладкозвучие в языке! Откровенно признаюсь, что из позднейших произведений сего поэта ни одно не удовлетворило меня в такой степени, как сие блестящее создание юношеской его фантазии. Хотя в них нельзя не признать силы гения, хотя в них красота и блеск языка доведены может быть до высшего совершенства, но в них также заметно подражание иностранным образцам, недостойное их автора. Пушкин кажется мне человеком, более назначенным к тому, чтобы самому проложить новый путь и служить образцом, нежели чтобы подражать образцам чужим, коих слава часто основывается на временно господствующем вкусе. Но довольно. Я не поэт и не должен судить о произведениях искусства. Мое дело владеть шпагой, а не пером.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 7

1

ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“